

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Е. П. Бусыгин

**ЭТНОГРАФИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
СИБИРИ**

Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М.: Наука, 1974, 294 с. Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX в. М.: Наука, 1979, 248 с. Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середина XIX в. М.: Наука, 1981, 270 с.

Русские, составляя большинство населения (82,6%) РСФСР, живут также во всех союзных и автономных республиках. Во многих районах они, живя длительное время по соседству с другими народами, выработали целый ряд культурно-бытовых особенностей. Эти отличия — результат длительных хозяйственно-бытовых связей с местными народами, влияния природно-географических условий и ряда социально-экономических факторов того или иного региона страны. Немаловажным является и то, что сами русские, переселявшиеся в различные районы страны из северных, центральных и южных районов Европейской части России, отличались своеобразными культурно-бытовыми чертами. Одним из районов, сложных по истории освоения русскими, была Сибирь, заселение которой началось с конца XVI в. во время походов землепроходцев и явилось следствием присоединения Сибири к Русскому государству. Сибирь, площадью более 10 млн. кв. км, расположена в различных климатических зонах, разнообразны и народы, с давних пор заселявшие этот регион. До прихода русских здесь жило более 30 народов, большинство которых (эвенки, чукчи, ненцы и др.) находились на уровне патриархально-родового строя и жили мелкими родоплеменными группами, занимаясь охотой, рыболовством и оленеводством. Русские, придя в Сибирь и осваивая огромные пространства с различными природно-географическими условиями, приспособлялись к ним. Входя в тесные хозяйственные и культурно-бытовые контакты с аборигенами Сибири, они воспринимали от местных народов все ценное и полезное, наилучшим образом отвечающее местным природно-географическим и социально-экономическим условиям. Русский народ в свою очередь оказал огромное влияние на культуру и быт местных народов, способствовал развитию производительных сил Сибири. Привнесение русскими прогрессивных культурно-бытовых форм позволило аборигенам Сибири преодолеть вековую отсталость и изолированность, оказало огромное влияние на их развитие и превращение за годы Советской власти в народности социалистического типа. Русское население Сибири не случайно с давних пор привлекало внимание ученых. Литература по этнографии русского населения Сибири весьма обширна. Сведения о русском старожильческом населении имеются в записках путешественников, начиная с первой половины XVIII в., в описании сибирских наместничеств, в трудах участников академических экспедиций второй половины XVIII в. В XIX в. появились обобщающие труды по истории и статистическому описанию сибирских земель, что было связано с развитием капитализма, массовым переселенческим движением, усилением культурного значения политической ссылки. Однако огромный собранный на протяжении полутора столетия материал отличался крайней фрагментарностью как по отдельным районам Сибири, так и по социальным группам и элементам культуры. Различный теоретический подход при попытках обобщения судеб русского населения Сибири и его традиционной культуры, хронологическая несопоставимость и отрывочность не давали возможности делать на этом материале широкие обобщающие выводы, судить об областных особенностях культуры и быта русских в Сибири, их сложении, многообразии и причинах бытования.

За последние десятилетия по этнографии русского населения Сибири появился ряд крупных работ. Это монографии Л. М. Сабуровой «Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX — XX в.)», Л.: Наука, 1963, В. А. Александрова «Русское население Сибири (XVII — начало XVIII в.) (Енисейский край)», М.: Наука, 1964, М. М. Громыко «Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVII — первая половина XIX в.)», Новосибирск: Наука, 1975, «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии», М.: Наука, 1969, и др. Начиная с 70-х гг. авторский коллектив под руководством В. А. Александрова выпустил три книги, посвященных в основном материальной культуре.

В. А. Александров в первой из рецензируемых книг справедливо отмечает, что этнографическая характеристика русского населения Сибири возможна лишь с учетом многостороннего процесса хозяйственного освоения Сибири русскими и развития общерусской традиционной культуры.

Изучение этих процессов помогает проследить пути заселения Сибири русскими, выявить судьбы принесенных русскими из разных мест культурно-бытовых традиций, степень их адаптации в различных ландшафтных зонах и появившиеся новые культурно-бытовые черты, порожденные как природно-географическими условиями, так и этнокультурными связями с местными народами. С другой стороны, без глубокого, тщательного изучения культуры и быта пришлого в Сибирь русского населения не возможно изучение местных сибирских народов.

В книге «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири» (авторский коллектив: В. А. Александров, А. А. Лебедева, В. А. Липинская, Л. М. Сабурова, А. В. Сафьянова, П. И. Роцевский, В. М. Суринов)¹. Авторами четко сформулированы задачи, стоящие перед этнографической наукой в изучении русского населения Сибири, его материальной культуры. Одна из них — выявление на сибирском материале единства русской народной культуры на всей территории, заселенной русскими, изучение этнокультурных связей, установившихся в процессе миграционных движений, выяснение, на основе каких традиций, как и когда в результате взаимодействия и приспособления к местным условиям складывались комплексы традиционной культуры, отвечающие хозяйственным, экономическим, бытовым и эстетическим потребностям населения. Исходя из поставленных задач, авторы стремились показать преемственность бытования тех или иных элементов культуры, определить границы их распространения на разных этапах заселения и освоения Сибири, выявить степень и характер их изменений в различных географических зонах, формирование локальных особенностей с комплексом практически целесообразных культурных явлений как принесенных русскими переселенцами, так и заимствованных у аборигенов. Решению этого комплекса задач подчинено рассмотрение всех элементов материальной культуры. Очень подробно освещена историография изучения материальной культуры русского населения Сибири. Авторы дали обстоятельный критический обзор работ в хронологическом порядке. Проанализирована дореволюционная литература о земледельческих орудиях, поселениях и жилище, одежде. Учтены этнографические публикации, помещенные в различных периодических изданиях. Вместе с тем отмечено, что несмотря на обилие источниковедческого материала, имеющиеся данные не обобщены, разновременны и потому не позволяют судить о распространенности явлений на всей обширной территории Сибири. Поэтому для решения поставленных в работе задач авторы привлекли обширный архивный материал и данные этнографических экспедиций в ряд областей Западной Сибири. На основании преимущественно полевого материала и написаны статьи «Производительные силы сельского хозяйства Западной Сибири» (В. М. Суринов), «Русские поселения южной части Тюменской области» (В. А. Липинская), «Мужская одежда русского населения Западной Сибири (XIX — нач. XX в.)» (А. А. Лебедева) и др. В статье В. А. Липинской и А. В. Сафьяновой, например, дана обстоятельная характеристика жилища русского населения южной части Тюменской области (середина XIX — нач. XX в.), выявлены его локальные комплексы. Это селения по московскому тракту, селения северной части Тюменской области, расположенные вблизи лесов, селения старообрядцев, где особо длительное время сохранялись северно-русские традиции, и юго-восточного района, который в основном заселен пореформенными переселенцами — выходцами преимущественно из южновеликорусских губерний. Интересна написанная на широком круге источников статья А. А. Лебедевой, посвященная мужской одежде русских в Западной Сибири и ее формированию. Особое внимание уделено своеобразию одежды различных социальных групп. Особенности в одежде казаков южных территорий Западной Сибири автор связывает с киргизским и татарским влиянием. Вместе с тем показана и общность мужской одежды крестьян Западной Сибири и крестьян Европейской части страны того периода. Эта общность, как показала А. А. Лебедева, четко проявляется и в терминологическом сходстве многих названий одежды.

Следует отметить статьи А. А. Лебедевой «Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири (конец XVIII — нач. XX в.)», В. А. Липинской «Опыт анализа фотопланов при историко-этнографическом изучении поселений (по материалам Алтайского края)» и А. В. Сафьяновой «Разработка материалов подворных переписей населения о сибирском жилище (по данным вопросных листов 1877 г.)». Известно, что основной метод этнографии — непосредственные наблюдения и фиксация элементов культуры — в настоящее время не может дать хронологически, а сплошь и рядом фактологически исчерпывающего материала. Поэтому полевые исследования в настоящее время дополняются различными архивными источниками. Поиски этих новых источников для решения указанных проблем — одна из важных задач, поставленных авторским коллективом для воссоздания картины формирования культуры и быта русского населения Сибири. Введенные в научный оборот архивные данные позволили существенно хронологически и фактологически расширить рамки историко-этнографических исследований и дать подлинно историческое освещение развития материальной культуры русского населения Сибири.

Особо следует отметить статью В. А. Александрова и П. И. Роцевского об опыте изучения материальной культуры русского населения Тюменской области студентами-историками. Очевидно, что современные этнографические исследования, связанные со сбором массового статистического материала, проведением анкетирования,

¹ Рец. на эту книгу см. П. А. Власюк, В. А. Капитанчук.— Сов. этнография, 1975, № 5.

выявлением сохранившихся элементов материальной культуры, невозможны без привлечения широкого круга людей, в частности студентов и учащихся средних школ. В Казанском университете, например, подобная работа проводится в течение последних тридцати лет. Собранный студентами огромный материал, в том числе и иллюстративный, хранится в архиве университета и используется при написании работ по культуре и быту поволжских народов. Заслуживает одобрения и широкого распространения опыт студентов-историков Тюменской области в изучении материальной культуры русского населения Сибири.

В книге «Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — нач. XX в.» (авторский коллектив: И. В. Власова, А. А. Лебедева, [А. В. Сафьянова], В. А. Липинская) на основе уже проведенных исследований рассмотрены хозяйственный быт, поселения и жилище русских, живущих в различных районах Западной Сибири — в Притоболье, Верхнем Прииртышье, в восточных и южных районах Алтайского края. Во всех статьях, написанных на основании широкого круга как архивных источников, так и материалов этнографических экспедиций проводится мысль об общности русской народной культуры на всей территории расселения русского народа. Главное внимание авторы обращают на традиционные черты хозяйственной и бытовой культуры, принесенные в Сибирь переселенцами, ее трансформацию в местных условиях и образование локальных особенностей. Показательна в этом отношении статья И. В. Власовой «Землепользование в Поморье и Сибири XVII—XVIII вв. (традиции и практика)», в которой отмечается, что только с помощью сравнительно-исторического анализа явлений, характеризующих социальные и хозяйственные особенности жизни населения, можно выявить распространение традиций, принесенных русскими при миграциях и проследить динамику их приспособления на вновь осваиваемых землях. Опираясь на обширный источниковедческий материал автор характеризует крестьянское землепользование и традиции крестьян Поморья и Сибири в XVII—XVIII вв., практику перераспределения земельных угодий и др. Параллельное рассмотрение земельных отношений в Поморье и Сибири дало возможность сделать выводы о многих общих для этих регионов явлениях, а также указать на их отличия. Они касаются земельно-общинных порядков, которые слабее проявлялись в Сибири, чем в Поморье, длительной сохранности захватного пользования землей (вплоть до XIX в.), что объяснялось наличием обширных свободных земельных пространств и отсутствием в Сибири переделов земли и др. Именно такое взаимосвязанное рассмотрение хозяйственных традиций дает возможность понять особенности развития Поморья и Сибири в условиях одной и той же системы феодальной эксплуатации, осуществлявшейся непосредственно государством.

В статье А. А. Лебедевой «Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII — нач. XX в.)» показан процесс формирования русского населения в одном из первых по заселению районов Сибири, где в сравнительно короткий срок сложились производительное сельское хозяйство и различные ремесла. В статье очень обстоятельно рассмотрены разнообразные занятия населения. Большое внимание уделено крестьянским ремеслам, обслуживающим нужды местного населения (деревообработка, выделка кож, ткачество, переработка сельскохозяйственного сырья), продукция которых не только обеспечивала нужды населения своего региона, но и поставлялась на другие сибирские рынки. Использование архивных документов и иллюстративного материала позволило автору показать жизнь жителей притракторных сел, роль ямщины, местных ярмарок и торжков в их жизни.

В статье [А. В. Сафьяновой] «Хозяйственная жизнь русского населения Верхнего Прииртышья во второй половине XIX — нач. XX в.» показан процесс заселения этого южного района Сибири в течение трех столетий русскими выходцами из различных районов Сибири и Европейской части России, в результате чего здесь проходил интенсивный процесс взаимовлияния культур русских переселенцев и аборигенного населения. Рассмотрение в работе порядка землепользования, характера земледелия и животноводства, техники сельского хозяйства, терминологии хозяйственных процессов и орудий труда дало возможность сделать вывод о том, что в основе хозяйственного быта русского населения Верхнего Прииртышья лежат общерусские традиции. Вместе с тем выявлены и особенности, связанные с природно-географическими и социально-экономическими условиями Сибири в целом и ее отдельных районов, с культурно-бытовой спецификой различных этносоциальных групп, заселявших территорию, и влиянием местного коренного населения.

Интересна статья В. А. Липинской «Займки Западной Сибири конца XIX в. как сезонные поселения». Как известно, термин «займка» в настоящее время чаще всего встречается в Сибири, где возникновение и существование займок связано с обилием свободных и пригодных для хозяйственного освоения земель, малочисленностью населения и особенностями ведения хозяйства. В работе займки рассмотрены в основном как тип поселений. Вместе с тем автор видит в займках один из видов землепользования, фактор освоения новых хозяйственных угодий и способ расселения. Подобное рассмотрение займок имеет большое значение для понимания в масштабах всей Сибири социально-экономического и хозяйственного существа рассматриваемых явлений. Автор правильно отмечает, что займочная система и сезонные займочные поселения — важнейшие формы освоения русскими природных ресурсов Сибири. Займки как сезонные поселения иногда перерастали в постоянные, что было связано с целым рядом природных и социально-экономических факторов, способствовавших этому процессу. Подобные явления широко отмечены нами в Среднем Поволжье, где бывшие починки (займища) перерастали в крупные села и деревни. В. А. Липинская правильно

но ставит вопрос о важности изучения этого процесса в Сибири, что дает возможность глубже понять взаимосвязи природных, социально-экономических, демографических и др. факторов при освоении обширных сибирских пространств.

В статье В. А. Липинской и [А. В. Сафьяновой] «Жилище русского населения восточных районов Алтайского края (XIX — нач. XX в.)» авторами внимательно прослеживается множество своеобразных особенностей, связанных и с историей заселения территории русскими, и с природно-географическими условиями. Значительное участие в заселении края приняли старообрядцы, спасавшиеся от преследования православной церкви, казаки пограничных опорных пунктов, сторожевых и оборонительных сооружений. В конце XIX — начале XX в., здесь появилось много переселенцев — выходцев из южной России. Все это оказало влияние на жилище, особенности которого складывались в разное время. Тем не менее, на всей территории выработался в целом единый тип жилища, соответствующий севернорусским строительным нормам. Вместе с тем он включил в себя традиции, присущие жилищу различных районов Европейской России, и особенности, соответствующие местным условиям. Все это хорошо показано авторами на большом количестве примеров и на многочисленных иллюстрациях.

Сборник заканчивается статьей А. А. Лебедевой «Этнографические материалы о русском населении Южного Алтая (XIX — нач. XX в.)». Автор рассмотрела всю этнографическую литературу о русском населении региона и выявила новые архивные документы. Их анализ позволил охарактеризовать материальный быт различных групп русских Южного Алтая, пришедших туда в XVIII—XIX вв. из разных губерний России. В работе прослежены как севернорусские, так и южнорусские традиции и в приемах ведения сельского хозяйства, и в характере жилых построек, и в одежде. Вместе с тем показано, что длительное взаимное общение разных этнических групп русских с казахским населением содействовало приобретению ранее неизвестных русским навыков, выработке иного типа построек, форм одежды, изменению материала и покроя традиционной одежды и др. Автор справедливо отмечает, что взаимодействие разнотнических элементов способствовало накоплению культурных ценностей, появлению новых форм в материальной культуре и созданию локальных ее вариантов.

Наконец, книга «Этнография русского крестьянства» Сибири XVII — середина XIX в.» (авторский коллектив: В. А. Александров, И. В. Власова, В. А. Липинская, А. А. Лебедева, [А. В. Сафьянова], В. М. Суринов) представляет собой обобщающую работу, в которой характеризуются семейный строй русского крестьянства Сибири и важнейшие элементы материальной культуры: землепользование, поселения и жилища, одежда, пища — на протяжении двух с половиной столетий, т. е. с момента заселения Сибири, появления там первых переселенцев и до развития капиталистических отношений.

При написании этого труда авторы использовали многие новые материалы о семейном быте и материальной культуре русского населения Сибири, хранящиеся в уральских и сибирских архивах. Среди источников — годовые отчеты земских исправников начала XIX в., миссионерские описания конца XVIII в., в которых по каждому селению рассматриваются виды крестьянских домашних промыслов; новые материалы из фондов окружных и волостных судов, где содержатся данные о разделе имущества, дающие возможность говорить о жилых и хозяйственных постройках, мебели, одежде, утвари и т. д. Авторы широко использовали музейные коллекции, различный иллюстративный материал: рисунки, фотографии как дореволюционных авторов, так и сделанные во время многочисленных экспедиций. Столь обширный источниковедческий материал дал возможность впервые охарактеризовать семейный быт и основные элементы материальной культуры русского населения на обширной территории Сибири во всем многообразии ее локальных вариантов.

Книга состоит из введения, шести глав и приложений. В приложениях входит терминологический словарь элементов одежды русских Сибири XVII—XIX вв. Составленный на основе многочисленных архивных и литературных источников он позволяет не только судить о распространении данных элементов материальной культуры на обширных пространствах Сибири, но и проводить аналогии названиям соответствующих элементов одежды, обуви, головных уборов, бытовавшим в других районах России. Эти данные — дополнительный источник для выявления путей заселения территории Сибири русскими. Полезными являются и методические материалы для сбора этнографической информации по темам «Поселение», «Жилище», «Хозяйственные постройки». Подобная методическая разработка и предлагаемый вопросник дают возможность сделать сопоставимыми материалы, собранные в различных районах Сибири, что облегчит обработку полученной информации. Как мы уже отмечали, опыт сбора информации с помощью подобной методической разработки студентами Тюменской области имел положительное значение.

Первая глава книги посвящена характеристике семьи и семейного быта русских Сибири. Думается, что подобная компоновка работы, посвященной в основном материальной культуре, вполне обоснована, так как от семьи, ее бытовых традиций в значительной мере зависит и степень хозяйственного освоения территории, и уровень развития крестьянского хозяйства. Автор главы И. В. Власова рассматривает семью и семейный строй в связи с общей проблемой сложения русского населения Сибири. Это дало возможность выявить причины, влиявшие на создание тех или иных типов семьи в разных регионах Сибири и в Европейской части России. На основании имеющихся источников автор подробно рассмотрел этапы заселения Сибири русскими и процесс формирования крестьянских семей. Изучены типы семьи в среде земледельческого на-

селения XVII — начала XVIII в. и их эволюция в XVIII — первой половине XIX в. Развитие сельской семьи в Сибири, как убедительно показано автором, шло от образования малых семей к их разрастанию в неразделенные семьи и затем путем деления неразделенных семей к малым семьям. Аналогичный процесс отмечен нами на территории Среднего Поволжья, заселение которого началось со второй половины XVI в. Полученный нами материал показал, что в первые десятилетия колонизации и освоения Поволжья наблюдалось преобладание малых семей, что было связано с приходом в край в основном мужчин-одиночек, и небольших семейных коллективов. Затем было отмечено значительное увеличение удельного веса неразделенных семей, обусловленное экономической целесообразностью существования более работоспособных семейных коллективов. К середине XIX в. численность неразделенных семей в Поволжье была весьма значительной. Затем вследствие развития капиталистических отношений в деревне и начавшегося процесса раздела семейных коллективов малая семья стала господствующей формой семейной организации. Таким образом мы видим, что в двух различных регионах страны, где были примерно одинаковые условия заселения русскими, шли идентичные процессы развития форм семейной организации. В главе подробно рассмотрены локальные особенности семейного строя у отдельных групп сельского населения — казаков, разночинцев, монастырских, ссыльных и др. При этом выявлена общая тенденция развития семьи у всех групп населения, повсеместное утверждение малой семьи. Показано также, что малая семья в Сибири не отличалась по своим размерам от обычной крестьянской семьи дореформенной России.

Вторая глава посвящена рассмотрению основных этапов развития русских поселений в Сибири с возникновения их в XVII в. до середины XIX в. Автор главы В. А. Липинская анализируя огромный источниковедческий материал, показала, как шло заселение тундровой и таежной полос Сибири, рассмотрела типы сельских поселений и их изменение во времени. Интересен рассмотренный в статье процесс превращения заимок в многодворные поселения, влияние трактов на планировку селений, появление новых типов поселений и др. Весь изложенный в главе материал свидетельствует, что в типологии сибирских поселений отражены два взаимосвязанных явления общего процесса: расселение русских и хозяйственное освоение ими сибирской земли.

В третьей главе рассмотрены жилища и хозяйственные постройки. Обобщая изложенный в предыдущих главах обширный материал по отдельным районам Сибири, авторы прослеживают весь сложный путь развития крестьянского жилища с момента заселения территории и до середины XIX в. и выявляют имеющиеся областные различия. Значительное внимание они уделяют типологии жилищ и хозяйственных построек в земледельческой полосе Сибири, технике строительства жилищ в тундровой полосе, описанию различных временных жилищ («станки», шалаши, юрты и др.), бытование которых в значительной мере связано с влиянием аборигенных народов. Известно, что русские приходили в Сибирь из различных районов страны и приносили свойственные той или иной местности культурно-бытовые навыки. Это в полной мере относится к формам связи дома с надворными постройками. Из изложенного материала следует, что во второй половине XVII в. в Сибири был распространен комплекс, известный в этнографической литературе как севернорусский. Этот вывод имеет большое теоретическое значение. Как известно, по вопросу происхождения форм связи существует две различные точки зрения. Так, Е. Э. Бломквист считала, что большая часть комплексов восточнославянского жилища, в том числе и формы связи, сформировалась в глубокой древности и корнями уходит в период расселения в Восточной Европе основных племенных групп восточного славянства. Правда, Е. Э. Бломквист писала об условности своих соображений и указывала на необходимость проведения дальнейших исследований. Другой исследователь — Г. Г. Громов, опираясь на анализ рисунков в альбоме австрийского дипломата Мейерберга, который путешествовал по России в середине XVII в., считает, что типы крестьянского жилища сложились не ранее конца XVII — нач. XVIII в. Наши результаты, полученные в процессе изучения жилищ и хозяйственных построек на территории Среднего Поволжья, убедительно показывают, что формы связи сформировались ранее XVII в. Это подтверждается тем, что многие населенные пункты, основанные в Поволжье во второй половине XVI в. выходцами с Верхней Волги или из северных районов страны, имели те же формы связи, что и на местах своего прежнего бытования. Следовательно, формы связи, как элемент традиционной культуры жилища, сложились в период, предшествующий заселению края русскими, т. е. до второй половины XVI в. Нами высказано также предположение о времени сложения традиционного комплекса жилища². Поволжский материал дает нам основание датировать начало этого процесса XV в., когда Владимиро-Суздальская Русь стала экономическим и политическим центром, вокруг которого образовалось Русское государство и сложилась русская народность. Это послужило началом образования традиционного комплекса русского жилища, в том числе и форм связи в нем. Думается, что сибирский материал дает основания для подтверждения этой точки зрения. Закономерен вывод авторов и о том, что традиционный тип жилища, занесенный в Сибирь переселенцами, был сохранен, а особенности его развития определялись местными условиями и контактами с соседними народами.

² См. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Формы связи дома с надворными постройками как исторический источник.— В кн.: Географический сборник. Казань, 1966. Изд-во КГУ, с. 140.

В четвертой главе дана характеристика крестьянской одежды. Использование широкого круга источников, в том числе музейных коллекций и экспедиционных материалов, позволили проанализировать более ранние этнографические сведения об одежде и выявить ее локальные варианты. Давая обстоятельную характеристику мужской и женской одежды различных локальных групп русского населения Сибири, автор отмечает наличие многочисленных терминологических аналогий с одеждой русского населения Европейской России того же периода. А. А. Лебедева убедительно показывает, что в XVII в. одежда русского населения Сибири была в значительной степени однотипна с одеждой русского населения Европейской России. Однако в XVIII в. традиционный костюм подвергся заметной трансформации. Мало того, появились новые своеобразные виды крестьянской одежды, неизвестные русским Европейской России, заимствованные от коренных жителей.

В пятой главе рассмотрена пища русских сибиряков. В работе хорошо показано, что если первые поселенцы активно осваивали местные продовольственные ресурсы, воспринимали кулинарию аборигенов Сибири, то в XVIII в. в связи с развитием полеводства, традиционная русская пища стала восстанавливаться. Это особенно четко проявилось в земледельческой полосе. Вместе с тем, отмечается значительное заимствование русскими блюд коренных сибирских народов, особенно заметное в неземледельческих районах Сибири, где широко вошли в употребление свежемороженая и вяленая рыба, мясо морских животных, ягоды в качестве приправы к различным рыбным блюдам и т. д.

Последняя, шестая, глава «Особенности формирования и функционирования систем земледелия в условиях Зауралья» посвящена рассмотрению многих важных проблем, связанных с развитием земледелия в Сибири. Автор ее В. М. Суринов весьма обстоятельно проанализировал условия существования трехполья в северных и лесостепных районах Западной Сибири, показал наличие переложной системы и сосуществования с ней трехполья. Он убедительно показывает, что в условиях Сибири перелог и трехполье являлись формами землепользования, применение которых восстанавливало плодородие почвы и не тормозило развитие производительных сил земледелия. Справедливо критикуя некоторых авторов, считавших наличие перелога в Сибири следствием хозяйственной несостоятельности сибирского крестьянства, якобы хищнически ведущего хозяйство, автор, опираясь на собственные исследования и подтверждая их данными других исследователей (например, М. М. Громько) считает, что залежно-паровая система господствовала в Сибири в XVIII и первой половине XIX в. потому, что была наиболее целесообразной для крестьян в данных социальных и естественно-географических условиях. Поэтому в современном сибиреведении закономерно поставлена под сомнение оценка залежной системы как хищнической вне зависимости от условий ее существования.

Таковы основные проблемы, поставленные и освещенные в рецензируемых работах. Следует отметить хорошие рисунки и фотографии, выполненные художниками В. И. Агафоновым, В. В. Вороновой и Ю. А. Аргиропуло, позволяющие наглядно представить характеризуемые элементы материальной культуры, что значительно дополняет текстовую часть. К сожалению, их очень мало, особенно цветных, хотя в распоряжении авторов, как мне известно, имеется большой иллюстративный материал. Было бы желательно его опубликовать. Это значительно расширит представление о многообразии форм материальной культуры, выработанных русскими в Сибири.

Следовало бы также приложить к книге географическую карту рассматриваемой территории и выделить на ней отдельные локальные группы русских, культурно-бытовые различия которых описаны в работе. Думаем, есть основание говорить о возможности выделения в будущем на обширной территории Сибири крупных историко-этнографических областей, связанных с особенностями формирования в них русского населения.

В целом авторский коллектив этнографов-сибиреведов проделал огромную работу. Созданы труды, имеющие большое теоретическое и практическое значение. Они, несомненно, вносят значительный вклад в изучение истории формирования и развития культуры и быта русских в одном из многонациональных регионов нашей страны, а тем самым и в решение проблемы формирования общечеловеческой культуры, выявления многообразия ее форм. Несомненно, что основная задача, поставленная авторским коллективом — раскрытие общности русской народной культуры в разных регионах, заселенных русскими, и ее типологических особенностей в Сибири успешно выполнена. Думается, что на очереди создание подобных работ по другим элементам материальной культуры — утвари, транспортным средствам, орудиям производства и др.

Э. С. Литвин

**РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
(Учебники и учебные пособия последних лет)**

Советские фольклористы в последние 10 лет активно и плодотворно работали над проблемами происхождения русского эпоса, структуры сказки, специфики так называемой несказочной прозы. Новые наблюдения углубили также понимание свойств обрядовой поэзии, народной лирики, проблем фольклоризма писателей проплого и настоящего. Движение научной мысли не могло не отразиться на постановке филологи-